

и издания фольклорных материалов после Октября¹. Нам кажется, что упоминание работы Х. Бадыгова с критической оценкой ее сделало бы более точным и верным историографический раздел статьи.

Однако, как уже говорилось, при всех имеющихся в этом издании недостатках, оно несомненно является шагом вперед на пути обобщения и систематизации татарского фольклора. Сборник явится хорошей базой для дальнейшей работы. Мы уверены, что он встретит заслуженное одобрение у читателей.

Ким Давлетов

Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, вып. 2, Якутск, 1955.

Рецензируемый сборник содержит статьи по истории, этнографии, антропологии, языку и литературе Якутской АССР, представляющие значительный интерес для этнографов и историков.

В статье «К вопросу о переходе к земледелию тунгусов (эвенков) Якутского округа» И. С. Гурвич опубликовал хранящийся в Центральном государственном архиве Якутской АССР документ, содержащий новые сведения об истории перехода части тунгусов Якутского округа к оседлости. Комментируя публикуемый документ, автор справедливо подчеркивает роль русского крестьянства, способствовавшего внедрению земледелия среди охотников и скотоводов, какими являлись якуты и тунгусы в XVII—XVIII вв. Одно из положений автора представляется нам требующим уточнения.

И. С. Гурвича можно понять таким образом, что усть-майские тунгусы перешли к земледелию, минуя полукочевое скотоводство. Но территория майских тунгусов находится очень близко к бассейну Вилюя. А вилюйские тунгусы (угуляты, калтакули и др.) перешли к земледелию через полукочевое скотоводство. Повидимому, такая последовательность была вызвана тем, что бывшему кочевнику тунгусу легче было вначале принять полукочевое скотоводство, а затем перейти к оседлому земледелию. Это наводит на мысль — не прошли ли и майские тунгусы аналогичный скотоводческий этап, прежде чем перейти к земледелию?

Опубликованный И. С. Гурвичем документ показывает, что этнические процессы в Якутии нужно рассматривать в тесной связи с историей развития промыслового хозяйства, скотоводства и земледелия. Например, пока тунгусы занимались охотой и вели кочевую жизнь, их экономические взаимоотношения с соседями-якутами были гораздо слабее, чем после оседания. Поэтому переход тунгусов к земледелию не только поднимал их на более высокую ступень хозяйственной деятельности, но и способствовал еще большему сближению с якутами.

Г. В. Наумов в статье «К истории хозяйственного освоения бассейна реки Вилюй», пользуясь конкретным полевым материалом, нарисовал живую картину освоения края. Особенно ценны сведения о путях продвижения древних переселенцев, типах их хозяйства, борьбе за преобразование облика девственной тайги. Но, описывая примитивные способы борьбы древних переселенцев за освоение края, автору следовало бы отметить восходящие к ним пережиточные явления у современных вилюйчан. Например, от древней огневой системы сохранилось бытующее по настоящее время примиренческое отношение некоторой части вилюйчан к лесным пожарам. Говоря о древней мелиорации, следовало бы подвергнуть критике популярную еще в некоторых районах Вилюя идею спуска озер. Вилюй — край довольно засушливый. Он может быть плодородным лишь при умелом использовании наличных ресурсов воды. Следовательно, на Вилюе нужно отстаивать сохранение имеющихся водоемов для обводнения соседних лугов.

Вызывают возражение и некоторые положения автора, касающиеся истории освоения якутами бассейна Вилюя. Автор совершенно прав, говоря об освоении в XVII—XVIII вв. верхнего и среднего течения Вилюя переселенцами из центральной Якутии, но история освоения низовьев Вилюя им освещена не совсем правильно. По мнению Г. В. Наумова, до прихода русских якутами было освоено лишь одно устье Вилюя. Это не соответствует действительности, так как атаман Иван Галкин еще в 1638 г. собирал ясак с «Ковийского озера» (современное озеро Кобяй) — с «князца» Очигия и тагусца Мениктюбека и с «их улусных людей», всего 9 соболиных шуб и 2 лисицы красные (ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 58—59). Обнаружение Ив. Галкиным якутов на оз. Кобяй свидетельствует о том, что якуты ко времени прихода русских жили не только близ устья Вилюя, но и гораздо глубже и дальше вверх по этой реке.

Кроме того, охотничье-рыболовческую культуру населения низовьев Вилюя

¹ В числе изданных им сборников можно назвать: «Сборник народной литературы», состоящий из четырех частей и включающий пословицы, загадки и частушки, байты, напевы и, наконец, песни («Халыҕ эдэбиаты маҕмугэсэ», 1912, изд. «Гасыр», переиздан в 1919 г.); сборник 1926 г. («Халыҕ эдэбиаты, маҕаллар, табыш-мақлар». Казань), включающий 1200 пословиц и 335 загадок; цитируемый в рецензируемом издании сборник 1922 г. Мы не говорим уже о статьях и архиве Х. Бадыгова, сданных в фонд Казанского филиала АН СССР.

автор рассматривает как упадок скотоводческой культуры Средней Лены и как результат объединения бывших скотоводов Амгино-Ленского междуречья, переселившихся на Вилюй. «Первый путь,— пишет автор,— которым воспользовались якуты, повидимому еще до прихода русских,— это путь вниз по Лене к устью Вилюя, где они и закрепились в междуречье Вилюя и Линды. Там, в чрезвычайно суровых условиях, они потеряли весь свой скот и вынуждены были перейти к озерному рыболовству» (стр. 9).

В действительности, повидимому, и центральная Якутия, и низовья Вилюя издревле составляли две части древней Якутии и являлись центрами двух локальных культур якутского народа. Низовья Вилюя вместе с некоторой частью современного Намского района¹, видимо, представляли собой локальный центр охотничье-рыболовческой культуры древних якутов, а луговая часть Амгино-Ленского междуречья была центром скотоводческой культуры. У одного и того же народа не может быть резких границ между двумя его локальными культурами, и эти две локальные культуры местами сосуществовали там, где были благоприятные для этого условия. Этим, видимо, объясняется наличие рыбаков в центральной Якутии и конных якутов в низовьях Вилюя.

Якутские охотники-рыбаки не могли оказаться просто обнищавшими скотоводами и потому, что охотничье-рыболовческая культура уходит глубокими корнями в далекие неолитические времена.

А. П. Окладников на неолитических стоянках на реках Кууллаты и Ымыяхтаах, в пределах современной центральной Якутии, находил большое количество остатков рыболовной снасти и костей рыб. В частности, на р. Кууллаты была обнаружена круглая яма диаметром около 1 м, обложенная берестой, с остатками рыбьих костей на дне². Эта яма похожа на ямы вилюйских рыбаков, в которых они зарывали и квасили рыбу. У вилюйских рыбаков такая яма тоже была круглой, диаметром около 1 м и глубиной около 1 м, и они также обкладывали ее берестой. Такой способ квашения рыбы вилюйчане называли «сыма».

Г. В. Наумов в основном правильно отмечает, что на Вилюе в XVII—XVIII вв. во время массовых переселений встречались две культуры: полукошечная скотоводческая и кошевая охотничье-промысловая. Но это правильное положение он не конкретизировал, в результате чего столь сложное явление не получило должного освещения. При чтении статьи остается даже впечатление, что все якуты-переселенцы были только скотоводами, а тунгусская культура, не оставив никаких следов, была оттеснена на самые отдаленные окраины.

По нашему мнению, автору следовало бы особенно подчеркнуть, что среди якутов-переселенцев XVII—XVIII вв. наряду со скотоводами были и рыболовы («пешие» и «худые якольцы — балыксы»). Нужно добавить также, что сами якуты-скотоводы удачно сочетали скотоводство с охотой и рыболовством в тех случаях, когда условия местности позволяли заниматься с тем и другим.

Говоря об оттеснении тунгусов на окраины Вилюя, автор совершенно упускает из виду, что вследствие близости рода занятий некоторой части якутов (рыбаков и охотников) и тунгусов и перехода части последних к скотоводству значительное число тунгусов, видимо, слилось с якутами. Для примера приведем угулятов («фугляды»), кельтяков («калтакули»), жакутов, нанагиров («брангаты»), которые, сливаясь с якутами, образовывали якутские наследи.

Именно в этом смещении якутов и тунгусов, в слиянии их культур заключается все своеобразие и сложность культуры вилюйских якутов. Слияние это было до того прочным, что теперь трудно решить, какие элементы были тунгусскими и какие якутскими. Поэтому, на наш взгляд, нельзя признать вполне приемлемым положение автора о том, что все тунгусы с приходом якутов были оттеснены на окраины Вилюя. Такое «оттеснение» для тунгусов было бы бедствием. В действительности было наоборот: переселение якутов на Вилюй принесло тунгусам более высокую скотоводческую культуру, чем прежде тунгусское охотничье-рыболовческое хозяйство.

Автор, на наш взгляд, преувеличивает значение междоусобных войн. Конечно, столкновения между отдельными родами были. Но эти мелкие инциденты вряд ли можно назвать настоящими войнами. После прихода русских на Вилюе не было крупных столкновений ни между тунгусскими родами, ни между тунгусами и якутами. Единственное более или менее значительное столкновение между тунгусскими родами после прихода русских на Вилюй произошло в 1647 г. В нем участвовали, с одной стороны, вилюйские шологоны, мургаты и калтакули, а с другой — нижнетунгусские шелягиры (маугиры). Жертвы при этом столкновении были незначительны. Повидимому, в сокращении численности вилюйских тунгусов сыграла значительную роль эпидемия оспы, а также уход части их в другие области.

В сюртинке помещена статья Г. Ф. Дебеца «О черепах Суор-Бугдука и Леглю-Беге», посвященная вопросам антропологии якутов. В дополнение к этой статье З. В. Гоголевым даны исторические справки о героях дюпсинских и бегунских преданий — Суор-Бугдуке и Леглю-Беге.

¹ Будучи летом 1954 г. на Вилюе, мы обратили внимание на сходство рыболовческой культуры намских и вилюйских рыбаков.

² А. П. Окладников, История Якутии, т. 1, Якутск, 1949, стр. 76.

В целом второй выпуск «Ученых записок» Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР содержит интересный материал по истории, этнографии, языку и литературе якутского народа. К сожалению, внешнее оформление «Ученых записок» мало удовлетворительно.

С. Николаев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Клод Руа. *Ключи к Китаю* (перевод с французского), М., 1954.

Клод Руа — прогрессивный французский журналист, побывавший в Китае и Корее в 1952—1953 гг. Задача, которую он ставил перед собой, отправляясь в новый Китай, ограничивалась формулой: «смотри и записывай». Однако опыт показал, что смотреть можно по-разному. Многие гости из капиталистических стран, отправляясь в Китайскую Народную Республику, по заранее заданному плану подбирали примеры к уже готовым статьям или книгам «антикоммунистического», т. е. антинародного характера. В отличие от них Клод Руа приехал в Китай смотреть своими глазами и слушать своими ушами.

Книга Клода Руа поражает разнообразием литературных форм. От путевого дневника и публикации страниц записной книжки автор легко переходит к биографическому очерку; географические описания не только перемежаются стихами, но и сами — себе поэтичны; политический памфлет на тему «бремя белого человека» построен в форме документальной записи диалога. И все это объединено четким сюжетным стернем.

Не менее поразительно обилие вопросов и проблем, поднятых автором. Готовясь к поездке в Китай, Клод Руа перечитал много старой и новой литературы о Китае, в том числе книг китайских авторов. Это позволило Клоду Руа стать подготовленным наблюдателем и в известной мере компетентным судьей в самых различных вопросах. Он хорошо знает современную китайскую литературу, интересно (хотя и не всегда точно) пишет о фольклоре, широко эрудирован в области философии. Его интересует не только классический китайский театр музыкальной драмы, но и местные театральные формы (например, шаосинский женский театр), «янгэ», теневой театр и т. д. Вся его книга построена как своеобразный популярный курс истории Китая, хотя и ошибочно освещаемой в начальной ее части.

Мастер короткого очерка, Клод Руа широко использует в своей книге биографическое и автобиографическое повествование. Здесь советский читатель найдет биографии политических деятелей: Мао Цзэ-дуна, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лая, Сунь Ят-сена, писателей: Лу-Синя, Лао Шэ, Дин Лин, Чжао Шу-ли, Ли Бо-чжао, Гао Юй-бао, студентки из народа мон Лян Чжао-фу, китайки фельдшера Ли Хуай, крестьянки — секретаря Женского союза деревни «Четыре ивы» У Чэн, великого актера Мэй Лань-фана, директора завода, выдвинутого из рабочих, Лю Инь-юаня, профессора Фын Ю-ланя и др. Встретит советский читатель здесь и биографический очерк «генерала Фисташки» — злейшего врага китайского народа Чан Кай-ши. В исполненной злого юмора зарисовке Клод Руа разоблачает Чан Кай-ши и его клику, которую иногда и сейчас еще пытаются представить как «законное правительство» Китая.

Вспоминая о противодействии принятию Китайской Народной Республики в ООН, Клод Руа с вполне уместной иронией пишет: «Франция не признала китайское правительство. А признает ли Франция, что вода закипает при температуре сто градусов и замерзает при ноле?» (стр. 14).

Еще шире, чем биографическим очерком, для показа жизни и быта нового Китая пользуется Клод Руа записью бесед. Он встречался с представителями самых разнообразных слоев населения КНР. Его беседы — это живой и очень прямой разговор на темы, наиболее острые, наиболее близкие его собеседникам. Благодаря этому книга Клода Руа очень этнографична: ведь он встречался с людьми в обычной для них бытовой обстановке, видел их в будничном костюме, занятых будничным, но великим по своему значению делом — созиданием нового общества. В деревне «Свиной рынок» он наблюдал проведение аграрной реформы и правдиво описал «собрание горестей», определение «классовой принадлежности» сельского населения и т. п. При этом от частного случая он умело переходит к обобщению. Аграрная реформа в новом Китае это для Клода Руа революционный перелом, а не «один из этапов эволюции» Китая на его историческом пути «от общины древности к социализму», как пишут теперь частично даже дружелюбно к Китаю настроенные западные наблюдатели. Обобщая, Руа очень образно выразил тот наглядный подъем благосостояния трудящегося китайского крестьянства, который стал ощутим уже в первые годы после проведения аграрной реформы: «В тех районах, где реформа проведена давно, хлопчатобумажные костюмы крестьян яркосиние, новые, не заштопанные, не заплатанные. В остальных районах одежда выцветшая, дырявая, штопаная-перештопаная... Счастье — это яркий цвет. Нищета — это сплошная серость» (стр. 80—81).